

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 378:1
DOI 10.20339/AM.01-25.006

В.Н. Жуков,
д-р филос. наук, профессор, г. Москва
e-mail: vzhukov197@gmail.com

«СТРЕМЯСЬ ВЫСОКОЕ УНИЗИТЬ ДО СЕБЯ...»

В статье рассматриваются причины деградации высшего образования в России.

Ключевые слова: обыденное сознание, научность, социальное значение науки, знание и потребление.

“STRIVING TO DEGRADE THE HIGH TO ITSELF...”

Vadim N. Zhukov, Doctor of Philosophy, Professor, Moscow, e-mail: vzhukov197@gmail.com

The article considers the causes of degradation of higher education in Russia.

Keywords: everyday consciousness, scientificity, social significance of science, knowledge and consumption

*Памяти профессора Журавлева Виталия Васильевича
Опошление возведено в ранг своего рода доблести.
Г.В.Ф. Гегель*

В самых поверхностных явлениях, даже пустоватерекламного характера, часто отражаются довольно серьезные вещи, над которыми редко задумываются.

Вот, мы разглядываем рекламу западного или нашего вуза. На обложке проспекта чаще всего примерно типовая картинка (но в разных вариациях) – молодой человек или девушка, накатавшись на велосипеде или роликах, присели на университетской лужайке с толстой книгой по какой-то научной дисциплине; или другой вариант – группа студентов излучает веселье на фоне того или иного вуза, который обещает и даже гарантирует после его окончания стопроцентную уверенность в жизни и достижение успеха. Сами сюжеты подобной рекламы говорят об одном: учеба – это никакое не трудовое и научное подвижничество, теперь уже не надо «грызть гранит науки». Учеба в вузе сегодня – это как бы полуразвлечение между другими развлечениями жизни, это легкое и приятное скольжение по разным толстым книжкам, объем которых производит лишь внешнее впечатление глубины и серьезности; это именно *потребление* знания наравне с другими формами потребления. Одним словом, следуя подобным представлениям,

современная учеба в вузе – это как бы своеобразный научный туризм, приятное путешествие по наукам на протяжении нескольких лет. Именно поэтому и появляются новые игровые образовательные технологии.

Поверхностная интересность взяла верх над серьезной интеллектуальной работой – тенденция, первые признаки которой были замечены еще Гегелем¹, сегодня получила совершенно очевидное выражение. Поэтому существенное значение сегодня приобретает зазывание студентов в вуз со стороны самого вуза² – не сознательная профессиональная ориентация, когда абитуриент не под влиянием рекламы, а *сам* стремится поступить в тот или иной вуз.

Подобная ситуация указывает на еще одну проблему – наука, научное, т.е. высшее образование из смысла жизни, из всеохватывающего мировоззрения, из стремления к росту и развитию жизни прежде всего на научных основаниях переводится в статус, отнюдь не определяющий и не решающий важные цивилизационные задачи. До сих пор само слово «прогресс» как-то бессознательно связы-

¹ Гегель Г.В.Ф. О преподавании философии в университетах // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 419–425.
Hegel, G.W.F. Works of different years in two volumes. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1972. P. 419–425

² Здесь большое значение имеет еще и система подушевого финансирования вузов. – *Примеч. ред.*

вался прежде всего с прогрессом науки. Так вот, научное образование превращается из центрообразующего мировоззрения не просто в одну из сторон жизни, но в такую сторону, которой отведена если и не периферийная роль, то, во всяком случае, и не локомотива развития.

Да, никому сегодня и в голову не придет отрицать значение науки, ее роль, важность хорошего образования и др., но не об этом речь. Речь о том, что само место, само значение научного сознания, научного мировосприятия и научной оценки действительности, научного взгляда на жизнь оказалось резко поколебленным и даже иногда поставленным под вопрос. Ведь отвергать, отрицать что-либо можно не только в грубо-прямолинейном отторжении — это буквальный, очень вульгарно-непосредственный способ отрицания. Отрицание можно делать значительно тоньше — как бы отставляя отрицаемое на не свойственное ему место, захваливая его и даже постоянно подчеркивая его важность и в то же самое время именно этим внешним почитанием и формальным признанием принижать его действительное значение.

Можно захваливать науку и образование сколько угодно, но именно этим можно и отрицать ее, предварительно выхолостив все серьезное содержание.

В последние годы появились штампы мышления в общественном сознании, которые были просто невысказаны раньше и о внутреннем смысле которых почти не задумываются. Много говорят о так называемых кластерных научных образованиях, имея при этом в виду создание своеобразных научных «островов» в океане потребительского общества, где «робинзоны науки» занимались бы элитарно-научными исследованиями, которые затем использовались бы всем остальным обществом. Речь идет не о научных школах, а именно о научных кластерах.

Нам тут же возразят скучным в своей дежурности аргументом, что наукой занимались и занимаются сравнительно небольшое количество людей и большинство не понимает (а часто и не желает понимать) довольно трудные научные положения. Это, конечно, так. Но речь идет о том, что научное сознание в нашей стране раньше было не просто одной из форм общественного сознания, а во многом источником и основанием других форм общественного сознания. Научное сознание и соответствующее научное образование были тем основным «стволом», из которого произрастали все остальные «ветви» нашей жизни. Сведение науки только к «кластерному развитию» означает не что иное, как дециентификацию общественного сознания или — скажем проще и по-русски — обезнаучивание этого сознания.

Речь идет о том, что сегодня этот «рубль науки» хотят разменять и видеть его только в «копейках-кластерах».

Но, как давно известно из школьной философии, рубль и сто копеек — не тождественные вещи, т. к. рубль олицетворяет прежде всего целостность единства!

Есть один очень простой факт, который знают все, но о внутреннем смысле которого не задумываются, хотя именно он может служить отправной точкой для понимания деградации научного сознания в современной России. Всем известно, сколько частных вузов появилось у нас после 1991 г. — грибы после дождя не растут в таком количестве. Вот, казалось бы, «расцвело». Но всем известно, что такой «расцвет» был началом глубокого падения и кризиса высшего образования. Одна из глубинных причин такого «гибельного расцвета» заключается в том, что самое что ни на есть вульгарное, обыденное, примитивное сознание ворвалось, въехало на денежной подкладке в тогда еще существовавшую советскую систему высшего образования.

И получилось парадоксальное явление — не система высшего образования преобразила, изменила, подняла выше представителей этого бытового сознания (заплачено — оказывайте нам образовательные услуги, да и всё тут), а случилось совсем наоборот. Именно это обыденное, вульгарное сознание части нашего общества стало разрушать, размывать и в конечном итоге стало одной из существенных причин деградации вузовской системы России. *Не вузовская система переварила, преобразила, изменила в лучшую сторону, подняла выше его собственного низкого уровня это обыденное сознание до уровня высокого, научного, а наоборот — именно это вульгарно-обыденное сознание стало переваривать, изменять в самую худшую сторону еще кое-как сохранявшуюся советскую систему высшего образования.* Перефразируя известные слова Аристотеля о том, что в жизни надо придти к противоположному и лучшему, скажем — мы пришли к противоположному и худшему³.

К вульгарно-обыденному отношению к высшему образованию начали идти еще в последние советские годы. Не могу не вспомнить следующий факт из научной жизни еще советского периода. Чем ближе был 1991, тем чаще стали защищать кандидатские диссертации, в которых в той или иной степени, но всё сильнее и сильнее оправдывалось само обыденное сознание, бытовое восприятие жизни. В его оправдании всё громче звучала нота если и не его культа (до этого пока еще не доходили), то, по крайней мере, необходимости реабилитации и реставрации

³ Надо оговориться, что речь в данном случае, конечно, не идет о всех представителях обыденного сознания или обыденного мировоззрения буквально. В словах автора этих строк нет никакого высокомерия по отношению к его представителям. Здесь мы имеем в виду самую низкую, вульгарно-прагматичную и наиболее невежественно-агрессивную ее часть. Нет сомнения в том, что значительная часть представителей обыденного сознания прекрасно понимает свою ограниченность и многие стремятся преодолеть ее.

«в правах» обыденного сознания как такового по сравнению с научным.

Да и в самой обычной жизни — в популярных дешевых песенках всё чаще звучало, что детей в школах замучили такими задачами, над которыми даже «кандидат наук плачет», и — угрожалось дальше — «то ли еще будет». Во всём этом подразумевалось одно: надо нам совсем немного — «просто жить», да и всё тут.

Забыли, что более агрессивного сознания, чем *сознательно, намеренно невежественного*, не существует.

Здесь возникает очень интересный и почти не обсуждаемый у нас вопрос о том, почему именно самая низкая, самая вульгарная часть обыденного сознания обладает нередко самой большой и разрушительной активностью. Думаю, дело не только в том, что любой человек с научным складом мышления в той или иной степени, но обязательно подвержен неизбежному элементу интеллектуальной, некоторой «конструктивной пассивности», что ли. До совершения того или иного практического действия ему надо обязательно его «обмозговать». Этот научно-аналитический «гамлетизм» в той или иной степени всегда был и будет свойственен научному мировосприятию. Но, в отличие от него, деструктивный активизм самой низшей части обыденного сознания основывается в том числе и на стремлении к крайне поверхностному, но очень быстрому и эффектному практическому результату, который в свою очередь редко оказывается долговечным по причине отсутствия элементарной вдумчивости. Вот эта «одномерность» мировосприятия — выражение Г. Маркузе — во многом и обуславливает тот энергизм действия, тот жестоко-пустоватый, но безрезультатный активизм, когда всё направлено только на достижение прагматического успеха. Опять же нельзя не вспомнить последние советские годы, когда стала довольно популярной так называемая «деятельностная» интерпретация марксизма — дыхание наступающих трагических перемен уже чувствовалось.

Именно эта часть обыденного сознания тянет за собой неизбежное производное — культ бальзаминощины с ее известным правилом — «были бы деньги, а с деньгами мы и без ума проживем».

Этот малозаметный, но глубоко антинаучный переворот завершился трагическим парадоксом: после 1991 г. научное сознание в России стало обслуживать своего антипода — так называемое религиозно-философское сознание, которое существовало в России до 1917 г., а потом в русском зарубежье. Казалось бы, этого не могло быть, чтобы научное сознание бросилось не просто исследовать, а оправдывать, издавать, комментировать, восхищаться и изумляться теми, кто или прямо отрицательно (или очень критически) относился к науке. Но именно это и было, да отчасти и осталось.

Нам опять ответят скучным в своей обыденности аргументом, что наступило время свободы и вот к нам вернулись в многочисленных переизданиях те, кто имено-

вались религиозными философами (само словосочетание «религиозная философия», по выражению самого сильного представителя философии Запада М. Хайдеггера, — противоречие в терминах, да так оно и есть).

Дело, конечно, не в том, что были изданы и переизданы произведения В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского и многих других, но дело в том, какие последствия принес этот сервиллизм, эта услужливость научного сознания России перед своим если и не антиподом, то во всяком случае вне-научным сознанием. Одно дело критически издавать, комментировать, анализировать произведения вышеназванных авторов и многих других, и совсем другое — заниматься почти сплошной их апологетикой с научной точки зрения (!?). Но именно последнее и случилось со значительной частью представителей научного сознания России, когда чужое было воспринято как свое, когда вне- и антинаучное было воспринято как предмет научной защиты (!!). Научное сознание стало защищать именно то, что его и разрушало.

Последствия этого всем достаточно известны. В гуманитарной научной области была почти полностью отвергнута логическая объективность и доказательность, и эта область была превращена в перебор мнений, в совмещение несовместимых фактов, в культ разных «я так думаю» и «я так считаю».

Так мятеж самого низкого уровня обыденного сознания против научно организованного общества обернулся не просто его разрушением, а именно саморазрушением. А у нас пишут о чем угодно, ругая катастрофические 90-е, и прежде всего пишут о политике и политиках, об экономике и ее развале. А вот о том, что таран самого низкого уровня обыденного сознания разрушил «научную крепость» научно-организованного общества, равных которому нет, не было и, возможно, не будет, — об этом никто не пишет.

Этот аспект нашей жизни и изменения нашего общественного сознания каким-то странным образом (а может быть, не таким уж и странным) выпал из внимания нашего российского научного мира, который бросился восхвалять донаучную Россию (сейчас, правда, поутихли); как ни странно, как ни абсурдно это прозвучит — восхвалять донаучную Россию с научной точки зрения (!!). Научное сознание в 90-е пытались превратить в официанта, в обслуживающий персонал обыденного, и почти ни у кого это не вызывало протеста.

В советское время научное мировосприятие пропитывало все сферы жизни — от высоких образцов искусства (вспомним фильмы «Всё остается людям», «Девять дней одного года» и множество фильмов, посвященных русским и советским ученым, сегодня — почти исчезло) до самых что ни на есть обычных, уличных явлений (после полета Гагарина, если кто-то на асфальте в прыгалках-классах

писал «рай», тут же начинали кричать — «что ты пишешь? Теперь пишут только «космос!»). И шестидесятые годы у большинства остались в памяти не «оттепелью» и не пустовато-говорливыми «шестидесятниками», а лицом Гагарина, запороженным в небо и залитым солнцем.

Никто не сомневается в том, что наука одна и научная истина в принципе одинаково себя проявляет при тех же самых условиях. Но также нет сомнения и в том, что каждая значительная цивилизация накладывает на эту истину как бы свою особенность, придает ее научной физиономии неповторимую «складку». Англичанин или американец могут и не помнить о Ф. Бэконе и Дж. Локке, но обязательно в той или иной степени будут эмпириками или сенсуалистами в своем мировосприятии; француз — всегда в какой-то степени математик, а итальянец обязательно придаст научной истине великолепное эстетическое выражение — читать Г. Галилея и сегодня можно в том числе и как великолепного стилиста; философское глубокомыслие (нередко чрезмерное) немцев общеизвестно.

А в чем же заключается эта «неповторимая складка» русской науки? Думаю, главное заключается в том, что нигде, а только в России самым глубоким образом был понят внутренний общественный, единяще-общинный, стягивающий людей в одно целое, социальный характер науки. Именно в России было не просто понято, но на практике осуществлено социальное предназначение науки и научного (т.е. высшего) образования. И доступность, и бесплатность высшего образования в нашей стране в прошлые годы была связана именно со стремлением не опустить, не растворить высшее образование в самом низком обыденном мировосприятии, а, напротив, поднять человека выше его прошлого, низко-обыденного уровня. Стремление к научному знанию никогда не растворялось в потребительской пошлости. Наука воспринималась не как средство внешнего воздействия на природу и человека (что чаще всего и имеют в виду сегодня), но наука понималась как исток людского, человеческого единства — единства в истине человечности.

Те, кто помнят эти годы, наверняка отметят какой-то внутренний, совсем не навязанный пропагандой, оптимизм жизни (при всех трагических поворотах жизни того времени), какую-то оптимистическую ее предсказуемость, стремление жить будущим, открыто-разумную ясность отношений. Тогда, после полета Ю. Гагарина и Г. Титова, президент США Дж.Ф. Кеннеди открыто говорил о необходимости менять систему высшего образования в США вследствие ее сильного отставания от советской системы.

Поэтому кластерный характер развития науки в современной России глубоко чужд всей социальной,

общественной, можно даже сказать, общинской традиции развития науки в нашей стране.

И еще об одном последствии господства крайне низкого уровня обыденного сознания надо сказать. Совсем не случайным является тот факт, что падение уровня высшего образования постоянно сопровождалось на протяжении последних десятилетий ростом использования иноязычных терминов, смысл которых был не всегда понятен и тем, кто их использовал, — на что очень падки полуобразованные люди. Началось это, кажется, с повального увлечения всем «инновационным», причем этот термин обычно использовался там, где вполне достаточно было говорить о новом, о новизне. Потом перешли к кластерам, сейчас — к компетенциям, мало задумываясь о внутреннем смысле этого слова.

Вот все с видом небывалого открытия говорят, что высшее образование должно давать человеку обладание компетенциями. А что, раньше этого не было? Получается так, что великие русские и советские ученые, которые в свое время и не знали этого, были некомпетентными и только сейчас наступил расцвет? Более того, в самом внутреннем смысле этого слова содержится какая-то ремесленная ограниченность, есть оттенок какой-то интеллектуальной натаски, ментальной дрессировки на те или иные действия. А может быть, совсем наоборот — в нашем великом научном прошлом не было никаких компетенций, но наши ученые и были истинно компетентными людьми в том числе и потому, что всегда могли понять условность и ограниченность всякого рода компетенций, всегда понимали необходимость выхода за их пределы, имели талант и соответствующий уровень образования для того, чтобы посмотреть на все эти компетенции со стороны и тем самым «двинуть» науку и образование вперед, а не оставаться замкнутыми в кругу уже существующих компетенций. Под последними имеется в виду набор тех или иных навыков, которые, конечно же, можно сменить, переучиться и т.д., но как-то полусознательно имеется в виду и совсем другое — критически оценивать эти навыки со стороны общего направления развития знания не допускается категорически, хотя прямо об этом, конечно, не говорится. Получается так, что не человек владеет компетенциями, а последние владеют самим человеком.

Как тут не вспомнить один из детских фильмов, в котором рассказывается следующее: отправили человека учиться за границу. Он там пробыл несколько лет, приезжает домой, в Россию. — Ну, и чему же ты там научился за эти годы? — спрашивают его. — Да как чему? — гордо отвечает он. — Вот теперь я без запинки могу произносить слово «престиджижитация»! — Ах, батюшки, какой ты теперь ученый! — изумляются люди⁴.

⁴ К/ф «Варвара-краса, длинная коса» (1970, реж. А. Рой).

Если говорить более серьезно, то известные слова Гераклита о том, что многознание уму не научает, у нас надо бы переделать так — знание чего-то иностранного не как знания, а как именно и только иностранного, «инознание» уму не научает. Но низкий уровень обыденного сознания не понимает этого — для него внешняя эlegantность и звучность латино-греческой терминологии и представляет собой «научность». Сам факт использования иностранных слов и знание иностранных языков еще мало о чем говорит — это, так сказать, знание «по горизонтали», по поверхности, которое совсем не идет в глубину.

В самом словосочетании «высшее образование» содержится идея целостности, о которой сегодня редко вспоминают. Ведь речь не идет о накачке человека самой новейшей информацией для приобретения тех или иных «компетенций». В самом словосочетании «высшее образование» содержится идея образования человека более высокого качественного уровня, именно созданного, образованного как бы заново, «рожденного заново» с помощью / на основе привитого ему научного восприятия жизни, образованного этим научным восприятием. Человека, который существует, живет прежде всего потому, что научно мыслит, — прошу извинить за неловкую перефразировку известного положения Декарта: «Мыслю, следовательно, существую».

Поэтому словосочетание «высокообразованный человек», «человек с высшим образованием» подразумевает (сегодня это почти забыто) качественное иное, в отличие от обыденного, восприятие действительности. Эта «инаковость» заключается прежде всего в том, что не только сам человек обладает знаниями, но само это знание «обладает» человеком в не меньшей степени.

Такой человек не может просто получить однажды высшее образование как интеллектуальную натаску и потом работать по раз и навсегда данной специальности (или, напротив, раз и навсегда забыть о ней по карьерным или иным соображениям). Такой человек, сам стремясь к знаниям, постоянно образуется и самим этим знанием, само это знание образует его — это взаимный перманентный процесс. Это было прекрасно понято еще при первых шагах науки в греческой древности и выражено в известной простой пословице — «всегда учимся».

Заключение

Итак, проблема заключается не в том банальном факте, что произошла деградация высшего образования,

а в том, что само обыденное сознание в 90-е годы (да и позже) было выбрано в качестве главного критерия, главного «оценщика» перспектив развития высшего образования вообще. Дело не просто в том, что культ обыденного восприятия жизни негативно влиял на отношение к высшему образованию, а в том, что такое восприятие жизни — крайне поверхностное и сиюминутно-агрессивное — было выбрано в качестве единственно возможного «руководителя» развития высшего образования в целом. Если бы просто произошла деградация образования — об этом кто только не говорит, — то оставалось бы очевидным различие между тем, что должно быть, и тем, во что превратилось образование. Но в том-то и тонкость и опасность современной деградации, что «высокое» стало оцениваться «по-низкому», именно последнее было выбрано в качестве «судьи» первого. Или, как писал один из первых русских просветителей В.К. Тредиаковский, слова которого вынесены в заглавие статьи — стали высокое унижать до своей обыденности, а не подниматься сами до его уровня.

Плоды такого положения вещей сказываются до сих пор в призывах к упрощению (а если говорить откровеннее — к элементаризации, вульгаризации, к подгонке под интересы бездумного потребительства) образования, в стремлении отвести науке место «на посылках» у потребительского общества и т.д., в идеях, которые очень легко ложатся на сознание немалого количества людей, воспринимающих науку только с точки зрения роста внешнего комфорта жизни. Для таких людей высшее образование — это прежде всего рейтинги, престиж вуза, скакание по карьерной лестнице после его окончания и тому подобные приятные вещи. То, что высшее образование должно быть прежде всего научным, ведь только в этом и заключается его «высшее» начало, не вспоминается совсем или в последнюю очередь. За всем этим стоит одна цель — лишить науку и образование критического отношения к действительности, без чего она не может существовать.

Чем закончатся эти потуги по оскоплению науки, сейчас сказать трудно, но очевидно лишь то, что подъем интереса к научно-техническим дисциплинам должен обязательно обернуться восстановлением научности и в гуманитарной сфере (отчасти это уже происходит в истории), ведь деградация научного сознания в трагичные 90-е началась именно в гуманитарных разделах науки, а если говорить точнее — с резкого разделения и противопоставления гуманитарной сферы науки и естественно-научной. Было разрушено единство научности, при всей специфике и особенностях этих двух сфер.